

Здравствуй, Волга и свежесть моряны,
 Дом родной и дымок из трубы!
 Как давно не бывал я в Икряном,
 У истоков капризной судьбы!

Здесь без матушки холодно в доме,
 Без любимой сестры и отца...
 Лишь лампадка горит у иконы,
 И Россию всю видно с крыльца.

В ней церковей златоглавые свечи,
 А на травах роса, как слеза,
 И звенит, где солотник, у речки
 С мелодичным шурианьем коса.

А в серванте тетрадки из школы,
 Где лиловые кляксы с пера...
 Здесь мои зарождались глаголы
 Из уроков любви и добра.

Обмелели речные протоки,
 И всё реже поют соловьи...
 Я поэт переломной эпохи,
 С деревенской живинкой в крови!

А вокруг меркантильные нравы,
 Нувориши стригут барыши...
 Слава богу, что эти отравы
 Не спалили крестьянской души.

Хлещет время, как пиво из крана.
 Вижу, предок седлает коня...
 Все надежды мои и утраты
 Бумерангом стреляют в меня.

ВЕРБЛЮЖЬЯ КОЛЮЧКА

Верблюжья колючка на жёлтом песке,
 На красном солёном суглинке
 Царапает небо в зелёной тоске –
 Вокруг ни цветка, ни былинки.

Здесь летом бывает за сорок в тени,
 А зимы бесснежны и люты!
 Не встретишь ни суслика и ни змеи,
 И редко пасутся верблюды.

Под зноем палящим живые кусты
 Невзрачны, корявы и ломки...
 А вот умудряются буйно цвести,
 Багрянцем плеснув на иголки!

О, если упали бы капли дождя
 Из рыжей задумчивой тучки!
 ...Учитесь добру и отваге, друзья,
 У скромной верблюжьей колючки.

ЧИ-РИК

Среди заснеженных ветвей
 Вдруг зачирикал воробей!
 Другие не поют в мороз,
 А он не прячет клювик-нос:
 – Чи-рик, – прыг-скок, – чирик-чи-рик!
 К погоде снежной он привык.
 Не улетел на тёплый юг
 Со стаей ласковых подруг.
 Отважно прыгает у ног:
 – Чирик, – прыг-скок, – чирик, – прыг-скок...

За крошкой хлеба под трамвай
Стрельнул, – чи-рик, – не унывай!
Романтик, озорник, поэт!
Роднее птиц на свете нет.
И городской его мотив
Дороже благостных молитв!
Он предан Родине и смел.
С утра чирикает – пострел!
Проспект ему и дом, и стол.
– Чи-рик! – божественный глагол.

* * *

В. Х.

Седой романтик при свечах
Забыл о кнопке монитора.
Мерцают стрелки на часах,
И время виснет на плечах,
Как рваный плащ тореодора.

От самых ласковых времён
До одиночества в квартире
Он был бесстрашен и умён
И в божьем храме окрещён,
Но задышался в грешном мире.

На стрежне ядерных эпох
И оцифрованной бумаги
Всего один свободный вздох –
Тетрадный с рифмами листок
Остался от былой отваги.

А сколько откровенных строк
Жестоко проглотила Лета!
Но время подводить итог.
А правда леденит висок,
И в мире не хватает света.

Чадит надорванный талон
Времён фатальной перестройки.
Орёл двуглавый бьёт крылом.
И нет свободы за Днепром
Для полусонной птицы-тройки.

Морозно и темно вокруг,
На Западе и на Востоке...
Сквозь наледь глянцевых фрамуг
Луны серпастый полукруг
Плывёт, как парус одинокий.

ЙЕТИ

А вчера мне приснился Йети.
Лохматый. Большой. И добрый.
Одиноко ему на свете:
Вокруг ледники да горы.

И редко встретишь в ущелье
Нежный цветок эдельвейса.
А подруга ушла в пещеру:
Ждёт прибавления семейства.

Скоро родит его жёнка.
Значит, не время смерти!
Будет на малого медвежонка
Похож новорождённый Йети.

А в пещере совсем не тесно,
Хоть проводи друзьям дискотеку!
Зачем не хватает места
На большой земле человеку?!

Зачем эти дикие войны?
Вирусы всякого рода?
Вот Йети всегда довольны.
Потому что они – природа!

А почему столько окон
В гнёздах, где плачут дети?
Людам, наверное, одиноко,
Больше, чем даже Йети.

Вот и пуляют, гремя, ракеты...
Что они в Космосе ищут?
Прибирали бы лучше планету,
Чтобы воздух вокруг стал чище!

«Человеки почти одичали.
Совсем свихнулись на интернете!» –
... Так говорил в тоске и печали
Добрый седеющий Йети.

* * *

Снег скрипит, как лист капустный,
Ветер свеж, бодрит и колет.
Я брожу по лесу грустный,
Где давно никто не ходит.
Здесь один залётный дятел:
«Стук да стук», – несётся пеленг.
«Ты кого зовёшь, приятель,
На высокий волжский берег?
Где твою подругу носит,
По стволам каких растений?
Мы под кроной звёзд и сосен
Пополам печаль разделим.
Крошки хлеба вместе с хвоей
И с рябиной кисло-горькой...
Подлетай, поклоню с ладоней!
Я поэт и очень добрый.
Позабудь про шумный город,
Обживай свой волжский берег!»
Клюв у дятла – серп и молот.
«Стук да стук», – несётся пеленг.

Владимиру Подлузскому

Я отстал от сумрачного века,
Где погоду делает «Газпром»
И в руке блажного человека
Верещит обласканный смартфон.

Я читаю по-старинке книги,
Иногда пишу карандашом...
И ложатся солнечные блики
На полы, где топал малышом.

А теперь вот перегуды-гусли
Слышу я над русой головой...
То не лебеди, а в небе гуси
Над Россией и моей судьбой.

Было дело – рассыпали гранки,
Как экзамен, жизнь не пересдашь...
И кувшинки ерика Икрянки
Не заманишь в бодрый репортаж.

А в чулане пахнет керосином,
Вечностью и бражкой молодой...
Я колдую пёрышком гусиным
И лечусь травой-чередой.

И растёт берёзка из слезинки, –
Вырвалась, кудрявая, на свет!
Гусли-перегуды из глубинки
Берегут нас в окаянный век.

* * *

И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Сергей Есенин

Никогда не ходил на охоту,
Не губил я ни зверя, ни птицу
И частенько в проточную воду
Отпускал окуней и плотвицу.

В небесах мне, наверно, зачтётся,
Как спасал я скворчат от сороки,
И берёза с поклоном качнётся,
Что весной посадил у дороги.

Воробьи в несусветную вьюгу
Принесут мне рябины красной,
И порадует танцем белуга,
Что мальком поселил я на Каспий!

Животворной водицею брызнет
Мне в померкшие очи Волга...
Сам, быть может, я в будущей жизни
Обернусь в осетра или волка!

Солёные ветры Икрянку хлестали,
В оглоблях бугров бунтовала река,
И шлюпок дюралевых гончие стаи
В косматых бурунах чесали бока!

Моторы, зверея, натужно ревели,
И пена к бортам прикипала, как шерсть!
Я правил на бакен и брал чуть правее,
Отец приготавливал вёсла и шест.

И вот, зачерпнув кипячёной латуни,
Рывком проскочили капканы беды.
Какое раздолье! Но в мутной лагуне
Разводья бензина да рыски следы...

Торчат одинокие прутья рогоза,
В зелёную тину зарылся налим,
И чахнет в мазуте «каспийская роза»,
Царапает днище рогатый чилим.

И нежный фламинго, как призрак сказаний,
Мелькает всё реже над жёлтой грядой...
...Но черпают пену бортами «казанки»,
И гложут моторы над мёртвой водой!

ПОДКОВА

Я шёл босиком по горячей земле,
Курганы дышали, как тесто.
Нашёл я у речки Подкову в золе,
А суть – только Богу известна.

В рыбацком посёлке я жил не тужил,
И – хоть я дитя комсомола! –
С Русалкой водился, и с Лешим дружил,
И дёргал перо у Глагола!

Но Леший не нужен в больших городах,
Где чахнут в гудроне берёзы...
Мне крылья подрезал в горах Карабах,
А веру – чернобльские дозы.

Полынь да репейник рождает земля
От кровушки русской и пота...
Прибить бы Подкову на башню Кремля
На счастье и благо народа!

Вот с полным ведёрком стою на крыльце –
Живительна волжская влага!
Не брызги, а слёзы блестят на лице.
...И всё понимает дворняга.